

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

OBSERVER

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER

Поиск стратегии выживания человеческой цивилизации

С. ЛУЗЯНИН

**Россия – США – Китай:
борьба за
«Большую Евразию»**

А. ФРОЛОВ

**Кризисы и майданы
как следствие
пандемии**

Е. ПОНОМАРЕВА, А. САМСОНОВ

**Румыния-89:
революция или переворот**

М. АЛЕКСАНДРОВ

**Россия и конфликт
в Нагорном Карабахе**

Космические ресурсы в фокусе мирового внимания

Россия – США – Китай: борьба за «Большую Евразию»

Сергей ЛУЗЯНИН

Десятки различных измерений сочетает «Большая Евразия» и её центральноазиатский сегмент, в том числе торгово-экономическое, интеграционное, энергетическое, гуманитарное, а также сферу безопасности, которая в настоящее время стремительно деформируется развивающимися деструктивными процессами на южнокавказском, белорусском, киргизском и других направлениях. Для России все эти измерения в равной степени важны, актуальны, особенно в области региональной безопасности, включая поддержание стабильности на постсоветском пространстве Евразии в форматах двусторонних связей с государствами континента и на коллективном уровне в рамках ключевых евразийских организаций, связанных с данной сферой (ШОС и ОДКБ).

Политический и экспертный дискурсы

Политические контуры евразийская концепция приобрела в выступлениях президента В. В. Путина: сначала в его ежегодном Послании Федеральному Собранию в 2015 г. и на Петербургском между-

народном экономическом форуме (ПМЭФ) 17 июня 2016 г. На форуме в Петербурге российский руководитель заявил, что «Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования бо-

---

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), профессор МГИМО(У) МИД России, генеральный директор Фонда поддержки востоковедческих исследований (ФПВИ).
E-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru

Ключевые слова: «Большая Евразия», Россия, Китай, США, Центральная Азия, ШОС, сотрудничество, безопасность, «неамериканский мир».

лее широкого интеграционного контура... Предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнёрства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения, – Китай, Индия, Пакистан, Иран и, конечно, имею в виду наших партнёров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений» [1].

В статье «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию» идея по созданию «Большого евразийского партнёрства» получила дальнейшее развитие. Президент предложил формировать это партнёрство на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), подчеркнув, что проект открыт для присоединения других участников [2]. В 2019 г. российский руководитель в развитие идеи углубления кооперации ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс» отметил необходимость сближения ЕАЭС, ШОС и АСЕАН в рамках формирования «Большого евразийского партнёрства» [3].

Очевидно, что озвученные политические позиции базировались на соответствующем экспертно-аналитическом поле, включавшем различные концепты и подходы. Структурируя данный дискурс, следует выделить ряд перспективных идей, вокруг которых в настоящее время

продолжает формироваться концепция «Большой Евразии» во всех её проявлениях.

Базовым посылом явились идеи профессора С. А. Караганова о том, что концепция «Большой Евразии» была порождена общим перемещением «с Запада на Восток центра мировой экономики, политики, быстрым подъёмом Китая, Индии и других азиатских стран, что российское участие в евразийском обустройстве было обусловлено начавшимся поворотом к Востоку, ...к новым поднимающимся рынкам, в том числе через ускоренное развитие своих восточных территорий...» [4]. Одновременно российский эксперт связал образование евразийского пространства с затуханием общеевропейского проекта, с тем что формирование новой континентальной модели происходит уже не по *европоцентричной модели*, что на евразийском пространстве происходит возрождение и выход из «цивилизационной тени» забытых азиатских культур и цивилизаций, преодоление доминирования европейских ценностных подходов [4].

В развитии идей С. А. Караганова перспективным представляется анализ традиционных и новых подходов геополитического «функционала» Евразии.

Российский исследователь Бордачёв Т. В. пишет, что «столетиями Евразия была не более чем “мостом”

¹ Путин В. В. Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

² Путин В. В. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию. 8 ноября 2017 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>

³ Путин В. В. Заседание Высшего Евразийского экономического совета. 1 октября 2019 г., Ереван // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/52>

⁴ Караганов С. А. Россия в Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 29 июля 2019 г. // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii/>

и объектом реализации интересов внешних игроков, а сегодня она впервые начинает обретать самостоятельное значение. В перспективе – движение к широкому евразийскому сообществу, которое включит в себя не только «жесткое ядро» – Евразийский экономический союз и Китай, но и других региональных игроков» [5]. Одновременно он рассматривает проблему эволюции российской внешней политики в евразийском измерении в контексте формирующихся новых вызовов и возможностей для России [6].

К этому же ряду, а именно к достаточно успешным попыткам нового прочтения традиционной роли Евразии, относятся подходы Д. В. Суслова и А. С. Пятачковой, основанные на анализе ряда ключевых евразийских индикаторов:

- формировании нормативной основы международного сообщества «Большой Евразии»;

- высокой интенсивности отношений на данном пространстве, существенно превосходящей интенсивность отношений его участников с третьими странами;

- отсутствию у сообщества «Большой Евразии» по сравнению с некоторыми другими (ЕС, НАТО) единой институциональной основы;

- наличии дополнительных, евразийских ресурсов для «русской

устойчивости в новой конфронтации с Западом»;

- формировании новых рисков для «Большой Евразии» в связи с поляризацией АТР и глобальной холодной войной между Китаем и США, увеличивающих неопределенность и потенциально создающих условия для блоковой политики [7].

Представляется интересной и попытка структуризации ключевых элементов и процессов «Большой Евразии» в ряде базовых позиций, представленных профессором А. В. Лукиным:

- «Большая Евразия» – это новое международное объединение, формирующееся на основе российско-китайского сближения;

- особую роль на данном пространстве начинают играть незападные организации: ШОС, АСАН и БРИКС;

- наличие у участников общих политических и экономических интересов;

- диверсификация экономических интересов – от создания ЗСТ, до новых транспортных маршрутов и пр.;

- отказ от европейских ценностей и ориентация на евразийские ценности плюрализма и многополярности [8].

Интерпретация А. В. Лукиным позиций интересна, особенно в части неприятия так называемых «ев-

⁵ Бордачев Т. В. Новое Евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 5 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evrazijstvo/>

⁶ Бордачев Т. В. Большая Евразия во внешней политике России // Новые международные отношения в Большой Евразии. Российская стратегия в меняющейся геополитической динамике / под общ. ред. А. В. Лукина, Д. П. Новикова. М.: Весь Мир, 2019.

⁷ Суслов Д. В., Пятачкова А. С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии / Русское географическое общество. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Кодекс, 2019. С. 34–35, 49, 51.

⁸ Лукин А. В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 50–51.

ропейских ценностей», определения «Большой Евразии» как международного объединения на основе российско-китайских проектов и роли незападных организаций. В любом случае данный посыл, с одной стороны, даёт возможность дальнейшего обсуждения модели и несущих опор формирующегося пространства, а с другой – выявление реальных и мнимых возможностей по созданию «неамериканского мира» в рамках Евразии.

Очевидно, что представленный дискурс требует своего развития, уточнения и обсуждения. В плане дальнейшей концептуализации можно выделить два взаимозависимых уровня реализации российской стратегии в «Большой Евразии» с учётом того, что объективно существуют и другие национальные стратегии больших и малых евразийских государств: КНР, Индии, Белоруссии, стран Центральной Азии и Закавказья, Монголии, государств Корейского полуострова, АСЕАН и др.

В какой степени эти стратегии совпадают, а в каких геоэкономических и международно-политических комбинациях они могут быть в отношении России:

- альтернативны;
- нейтральны;
- дружественно-нейтральны;
- враждебны?

Видимо, полный ответ на этот большой и многоплановый вопрос может быть найден на отдельном исследовательском треке, связанном и с анализом ключевых пар двусторонних отношений евразийских государств с Россией, выделении/типологии этих опций по степени приоритетности, нейтральности либо наличия угроз российским интере-

сам и рядом других аспектов. Представляется, что пока эта тема ждёт своих исследователей, поэтому в рамках данной статьи ограничимся общим обзором основных уровней евразийской стратегии России.

Актуален также анализ основных уровней российской (евразийской) политики в сфере безопасности.

Во-первых, текущий уровень, формирующийся в основном ситуационно, исходя из возникающих угроз и важных общественно-политических событий, отражающих как глубинные тенденции социально-политического развития евразийских государств, так и относительно новые процессы постсоветского пространства. Последние, как правило, связаны с негативными последствиями «коронавирусной эпохи», активизацией Запада в традиционно конфликтных постсоветских точках от Белоруссии до Карабаха и Молдавии.

Во-вторых, базовый (долговременный) уровень, обусловленный проблемами институализации евразийского пространства (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС), возможностями и ограничениями российско-китайской кооперации на евразийском пространстве, перспективами и трудностями развития Центрально-Азиатского региона.

Очевидно, что каждый из них важен и значим для российского руководства, поскольку отражает одновременно стратегическое и тактическое видение постсоветской Евразии, её контуры, пределы расширения или сжатия. Причём в долговременном формате просматриваются как минимум четыре относительно самостоятельных направления, каждое из которых так или иначе связано с российско-китайским взаимодействием.

О российско-китайском сопряжении

Очевидно, что между политической частью сопряжения, сформулированной российским президентом В.В. Путиным и китайским председателем Си Цзиньпином 8 мая 2015 г. в совместном заявлении о сопряжении ЕАЭС и «Экономического пояса Шёлкового пути» [9] и его экспертным и экономико-технологическим наполнением сохраняется значительная дистанция.

В 2017–2018 гг. был подписан ряд соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем [10]. Частично разрыв начал сокращаться, однако проблема наполнения практической повестки сопряжения конкретными проектами осталась. Несмотря на высокий уровень стратегического партнёрства и взаимного доверия между Россией и Китаем, процесс тормозился рядом объективных препятствий и нестыковок.

Основная причина кроется в нарастании общей экономико-технологической асимметрии российского

и китайского потенциалов, которая, в свою очередь, порождает сдержанное отношение России к китайским предложениям по созданию зон свободной торговли с Россией и ЕАЭС, к вовлечению России в зону «Одного пояса» и пр. Среди российских экспертов сразу после выдвижения китайским руководителем в 2013 г. в Астане инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути» сложились различные мнения относительно перспектив развития китайской инициативы, возможностей и эффекта российского участия, включая позитивные и негативные результаты [11, 12, 13].

Среди отдельных китайских учёных циркулировали мнения о том, что ЕАЭС недостаточно эффективная организация для реализации китайской инициативы. Поэтому лучше вести дело исключительно на двусторонних центральноазиатских треках, продвигая транспортные и иные проекты [14].

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

¹⁰ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой – с другой // URL: [https:// docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018)

¹¹ Михалев М.С. «Один Пояс, Один Путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономики, культуры. 2016. Т. 9. Вып. 6.

¹² Денисов И.Е. Поднебесная смотрит на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политики, экономики, культуры. 2016. Т. 9. Вып. 6.

¹³ Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС и китайский проект «Шёлкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии // URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf

¹⁴ Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шёлкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии». Итоговый экспертно-аналитический доклад по проекту РФФИ № 16–07–000241 // URL: file:///C:/Users/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9/Documents/%D0%9B%D1%83%D0%B7%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BD%20%D0%AD%D0%9F%D0%A8%D0%9F%20report_2018_luzyanin_s_g.pdf

Из политического оформления сопряжения косвенно вытекает ряд интерпретаций, связанных с тем, что Россия кроме прописанных в документе официальных положений закрепила своё право на развитие «своих» интеграционных проектов (ЕАЭС) без китайского участия, что для России и Китая возможно не только сопряжение, но и на определённых этапах параллельное развитие интеграционных структур.

Одновременно формируется позитивная российско-китайская база сопряжения, обусловленная возможностью эффективного использования экономико-инвестиционных ресурсов Китая, сформировавшейся в последние два-три года гибкой позицией и пониманием Пекина чувствительных для Москвы вопросов, которая не наблюдалась в китайском руководстве ещё, в 2013–2017 гг., сразу после официального запуска проекта «Пояса и пути»*. Возможно, подобная эволюция была вызвана ужесточением китайско-американских отношений и необходимостью для Китая активнее идти на уступки и компромиссы с Россией, а возможно, и другими причинами. В любом случае на текущий период имеется небольшой набор возмож-

ностей, подкреплённых реальными активами.

Проблемная часть сопряжения в основном концентрируется вокруг односторонней направленности китайских транспортных коридоров, идущих, как правило, через Центральную Азию, минуя российскую территорию (до Урала), концентрации Китая на двусторонних договорах и контрактах с экономически слабыми центральноазиатскими партнёрами (Киргизией и Таджикистаном), незначительного количества высокотехнологических и инвестиционных российско-китайских проектов в рамках сопряжения. По сути, базовое противоречие между высокой российско-китайской политической частью и её недостаточным экономическим насыщением, которое сформировалось после 2015 г., в настоящее время сохранилось.

Пока это противоречие не носит критического характера и не угрожает демонтажом всей системы стратегического партнёрства и взаимного доверия между Россией и Китаем. При этом очевидно, что для разрешения данной дилеммы необходимо концептуальное обновление идеи российско-китайского сопряжения в рамках взаимодействия ЕАЭС и ОПОП прежде всего на экспертно-аналитическом уровне.

Россия – Индия – Китай

В 1998 г., когда идея объединения России – Индии – Китая (РИК) была озвучена великим российским

политиком и учёным Е. М. Примаковым, а с 2002 г. получила своё официальное развитие в рамках регу-

* Проявлением такой эволюции стало согласие Пекина на российскую корректировку ряда маршрутов и коридоров, включая замену железнодорожного варианта скоростной магистрали Москва – Казань на автомобильную трассу.

лярных встреч министров иностранных дел, премьеров и руководителей трёх государств, на экспертном поле перспективы и возможности трёхсторонней кооперации рассматривались в нескольких сценариях. И как вариант формирования РИК в качестве геополитического противовеса сложившемуся в 90-х годах однополюсному «американскому миру». И как вариант развития деформированного «треугольника», в котором доминируют двусторонние российско-индийские и российско-китайские отношения, при сохранении формального индийско-китайского трека. И как сценарий неполитического, в основном гуманитарного развития данного формата.

В настоящее время с учётом поправок на идущий глобальный китайско-американский раскол вновь вспыхнувшие китайско-индийские пограничные конфликты и общее обострение конфронтации между Россией и Западом первый сценарий просматривается в контексте борьбы за создание Россией и Китаем «неамериканского мира» в Евразии.

Очевидно, что нынешний треугольник «Россия – Индия – Китай» объективно вносит в текущую евразийскую тематику новые акценты, особенно в вопросы региональной безопасности, энергетики, коллективной борьбы с пандемией, продвижения инфраструктурных и инвестиционных проектов.

С другой стороны, повестка РИК в ещё большей степени, чем раньше, деформируется традиционными индийско-китайскими «нестыковками», пакистанским фактором, обусловленным, как известно, значи-

тельным влиянием Пекина на Исламабад, усиленным рядом инфраструктурных и инвестиционных проектов КНР в рамках реализации в Пакистане своей инициативы «Один пояс».

Главным ограничителем РИК в Евразии были и остаются США. Деятельность Д. Трампа внесла некоторые коррективы в евразийскую политику Вашингтона в плане частичного сокращения его активности. Однако стратегическая задача США на евразийском пространстве осталась неизменной: разрыв Евразии, в первую очередь ее постсоветского пространства, на отдельные куски американского, турецкого, европейского влияния, вытеснение России, формирование на континенте очередного «американского мира».

Реализация поставленных целей происходит как через использование уже существующих противоречий (Белоруссия, Нагорный Карабах, Молдавия, Киргизия и др.), так и через создание новых искусственных кризисов, конфликтов и «цветных революций».

Дополнительным, институциональным ресурсом для усиления позитивного влияния РИК на континенте являются проекты БРИКС и ШОС, в которых все три участника – полноправные члены организаций. Борьба с пандемией тоже объективно усиливает потребность трёхсторонней кооперации. Поэтому, несмотря на наличие внутренних и внешних ограничителей, проект РИК выгоден для каждого из его участников и евразийская повестка сотрудничества является важной и перспективной основой для их дальнейшего взаимодействия.

ШОС в Евразии

Шосовский компонент Евразии с учётом расширения состава организации, усиления российско-американской и китайско-американской конфронтации, обрушившейся пандемии и других факторов находится в стадии поиска своего оптимального состояния.

С одной стороны, видно нарастание негативных тенденций внутри структуры, связанных с формализацией и бюрократизацией процессов принятия решения при соблюдении обязательного консенсуса и сложности процедур голосования в рамках восьми постоянных членов, доминирование двусторонних экономических форматов с явным преобладанием Китая в ущерб многосторонним отношениям, отсутствие единого подхода по созданию Банка развития, появление традиционных китайско-индийских и индийско-пакистанских «нестыковок» в рамках организации.

С другой стороны, обозначенные трудности прогнозировались и учитывались при расширении организации, и параллельно негативному ряду развивается позитивный тренд на обновление стратегии и тактики ШОС без изменения уставных документов, но с учётом идущих новых вызовов и угроз государствам-участникам. Речь идёт о сохранении «старых» ценностей и приоритетов, наработанных за предыдущие годы, включая отстаивание многополярности, сохранение центральноазиатской специфики, трёх основных «дорожек» ШОС: безопасности, экономики и гуманитарного сотрудничества, сохранения плюрализма культурно-циви-

лизационных и идеологических ценностей.

Одновременно организация стоит перед неизбежной задачей расширения региональных рамок, переходу от центральноазиатской стратегии к более широкой политике влияния в Южной Азии, на Среднем Востоке и в Восточной Азии, а также к глобальному формату деятельности, включая усиление противодействия американскому давлению, расширению работы в ООН и других организациях: БРИКС, АСЕАН, ОДКБ, ЕАЭС, китайский ОПОП.

На евразийском треке ШОС многое будет зависеть от состояния российско-китайского партнёрства, уровня и качества сопряжения ЕАЭС и ОПОП. Определённая трудность этого взаимодействия связана с известными структурными различиями, поскольку ЕАЭС и ШОС, прошедшим основные этапы институализации, достаточно сложно взаимодействовать с китайским проектом, который, как известно, не является единой организацией, а, скорее, процессом, охватывающим сотни различных инфраструктурных, инвестиционных и иных проектов и который вряд ли в ближайшее время будет заключён в жёсткие рамки одной организации. Тем более что внутри этого процесса уже существует финансово-координационный центр в виде Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в котором Китай занимает ведущие позиции.

Очевидно, что отдельные (экономические, гуманитарные) программы ШОС вполне способны дополнять или кооперироваться с программами

китайского «Пояса и пути». Учитывая, что Россия и Китая – неофициальное ядро, основа организации, то какая-то часть повестки сопряжения вполне может быть реализована как в рамках ШОС, так и в рамках двустороннего российского-китайского взаимодействия.

Главным (внешним) вызовом организации в настоящее время и на ближайшую перспективу является американский фактор на фоне усиления общего мирового дисбаланса, санкционных действий Запада против России и Китая. Превращение ШОС из региональной в глобальную структуру для США принципиально важно, поскольку региональная активность ШОС до определённого момента (до 2017 г.) рассматривалась Вашингтоном как незначительный фактор и относительно небольшая угроза региональным интересам США. Превращение же организации в системную и глобальную структуру означает, что в Евразии формируется реальный конкурент за геополитическую монополию на данном пространстве и при сохранении и усилении ядра ШОС – российско-китайского партнёрства, США могут полностью проиграть «евразийскую партию» глобального противоборства.

Очевидно, что американская тактика будет строиться на попытках «растаскивания» организации через своего партнёра – Индию, включая искусственное стимулирование китайско-индийского раскола и индийских страхов относительно возможностей деструктивного влияния

на Нью-Дели китайско-пакистанской «связки». Однако несмотря на наличие традиционных и достаточно тесных американо-индийских отношений, в целом стратегия США по деформированию ШОС может быть купирована и в конечном счёте нейтрализована.

К внешним возможностям относятся не до конца используемые ресурсы позиционирования ШОС в глобальных и региональных проектах, включая усиление индийской мотивации за счёт помощи организации. Одновременно, как показывает исторический опыт, китайско-индийские отношения развиваются по некоторым повторяющимся циклам, от конфронтации к нормализации, в основе которых лежит взаимная экономическая заинтересованность, перекрывающая временные приграничные споры и исторические обиды.

Достаточно спорным, но перспективным с точки зрения усиления геополитических ресурсов организации является возможность расширения числа постоянных членов организации до девяти за счёт подключения Ирана. В условиях дальнейшего обострения американской идеологической и экономической экспансии в мире перевод Ирана из категории страны-наблюдателя в постоянные члены объективно усилил бы антизападный потенциал в плане сдерживания США и укрепления «неамериканского мира» в Евразии. Однако пока ряд внутренних шосовских обстоятельств не позволяет быстро решить данную проблему*.

* Технически для принятия данного решения необходим консенсус восьми постоянных членов организации, который пока достигнуть очень сложно из-за позиции Индии, противодействующей Китаю в любых вопросах в рамках ШОС, и сложных отношений Ирана и Таджикистана по оценкам различных исламских фундаменталистских групп.

Центральноазиатское измерение

Для России и Китая Центрально-Азиатский регион – ключевой в контексте безопасности, экономического, транспортного, энергетического сотрудничества. В настоящее время в Центральной Азии происходит наложение «старых» (до пандемии, до 2019 г.) нерешённых проблем и относительно новых угроз.

К «старому» ряду можно отнести внутренние проблемы экономической стагнации и экстенсивного роста республик, конфликтные межгосударственные отношения по демаркации отдельных участков границ, по поставкам воды, электроэнергии, экологическим вопросам.

К внешним «старым», традиционным вызовам относятся трансграничный транзит наркотиков, исламских террористических групп, включая разрушительное влияние Афганистана на безопасность в регионе. Всё это не раз обсуждалось на экспертном и политическом уровнях в России.

Одним из дискуссионных моментов остаётся вопрос о перспективах и масштабах американского участия во внутриафганском урегулировании и в целом в регионе. С одной стороны, после подписания 29 февраля 2020 г. соглашения между американской администрацией и руководством движения «Талибан»* в Дохе, столице Катара, Вашингтон заявляет о постепенном

выводе своих войск из Афганистана и снижении активности в Центральной Азии в целом. С другой стороны, для многих российских наблюдателей очевидно, что соглашение в Дохе было связано в первую очередь с предвыборной кампанией Д. Трампа. При этом интерес Вашингтона к региону не только не уменьшился, но и возрос, учитывая развитие проекта С5 + 1, в котором США вместе с Казахстаном, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном и Киргизией обсуждают вопросы региональной безопасности, включая афганскую проблематику.

Подтверждением далекоидущих планов США в отношении Центральной Азии и Каспийского региона является доклад старшего директора по Центральной и Южной Азии Совета национальной безопасности США «Инвестиции США в экономику и энергетику Центральной Азии и Кавказа» Л. Кёртис, в котором фактически обозначены ключевые компоненты американской стратегии за предыдущий период и на ближайшую перспективу [15]. В документе отмечается, что США уже вложили в Центральную Азию и Каспийский регион 9 млрд долл. государственных инвестиций и 31 млрд долл. в виде частных вложений, а также более 50 млрд долл. в виде технической помощи от международных структур с участием США (Всемирный

¹⁵ Curtis L. U.S. Economy and Energy Investments in Central Asia and the Caucasus // URL: <https://www.caspianpolicy.org/lisa-curtis-senior-director-for-central-and-south-asia-national-security-council-u-s-economy-and-energy-investments-in-central-asia-and-the-caucasus/>

* Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации законодательно запрещена.

банк, МВФ и др.), включая проведение более 200 военных учений [15].

Очевидно, что в настоящее время традиционные проблемы региона не только обновились с учётом коронавируса угроз и общего обострения ситуации в мире, но и расширились за счёт относительно новых, органически связанных с предыдущими, но имеющих свою специфику. Речь идёт о неконтролируемом росте тайной миграции боевиков, выходцев из стран Центральной Азии, прошедших сирийскую войну и переправляемых в регион для террористической деятельности здесь и на сопредельных российских территориях [16].

Относительно новым вызовом становится турецкая политика, которая уже активно подпитывает усиление азербайджано-армянского раскола, явно ориентируясь на агрессивное продвижение тюркских ценностей на всём постсоветском пространстве.

«Коронавирусная эпоха» закономерно усилила проблемы экономической стагнации во всех постсоветских государствах, которые, в свою очередь, обострили и стимулировали внутренние антиправительственные настроения, приведшие, как из-

вестно, к запуску отработанных западными фондами и службами механизмов и технологий «цветных революций». Кризисы и беспорядки в Белоруссии, Киргизии, Молдавии в 2020 г. – это звенья одной «антироссийской цепи», которая явно укрепилась в условиях усиления эмоционально-психологических и социальных «пандемических противоречий».

Одновременно коронавирусные испытания нанесли урон национальным экономикам всех без исключения республик Центральной Азии.

В *Казахстане* уменьшился спрос на энергоресурсы, на 20–25% сократился объём газа, закачиваемый в три ветки трубопровода, обострились проблемы инфляции, усилились социальные волнения.

В *Узбекистане* под карантин попали транспорт, торговля.

Экономикам *Киргизии* и *Таджикистана* тоже нанесён серьёзный удар, связанный с резким сокращением денежных переводов от мигрантов, известными волнениями в Бишкеке и др. По оценкам экономистов, общий дефицит бюджета Республики Таджикистан возрастёт до 7,7% ВВП [17].

Таким образом, суммируя ключевые компоненты российского интереса на евразийском пространстве, включая возможности российско-китайского сопряжения, перспективы трёхстороннего взаимодействия Россия – Индия – Китай, обновление и усиление ШОС, а также центральноазиатский ресурс, можно констатировать, что формирование «неамериканского мира» в Евразии шаг за шагом, с преодолением трудностей и препятствий продолжается, причём в рамках стратегического видения доминирования России на континенте.

¹⁶ Борисов С. Террористический Интернационал рвётся на север Евразии // URL: <https://www.ritmearasia.org/news-2020-04-11-terroristicheskij-internacional-rvetsja-na-sever-evrazii-48427>

¹⁷ Ионова Е. Центральная Азия в условиях пандемии // Россия и новые государства Евразии. 2020. Т. II (XLVII). С. 86.

Библиография • References

- Бордачёв Т. В.* Большая Евразия во внешней политике России // Новые международные отношения в Большой Евразии. Российская стратегия в меняющейся геополитической динамике / под общ. ред. А. В. Лукина, Д. П. Новикова. М.: Весь Мир, 2019. С. 64–103.
- [*Bordachyov T. V.* Bol'shaya Evraziya vo vneshnej politike Rossii // Noveye mezhdunarodnye otnosheniya v Bol'shoj Evrazii. Rossijskaya strategiya v menyayushchejsya geopoliticheskoy dinamike / pod obshch. red. A. V. Lukina, D. P. Novikova. M.: Ves' Mir, 2019. S. 64–103]
- Бордачёв Т. В.* Новое Евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 5. С. 194–205 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evrazijstvo/>
- [*Bordachyov T. V.* Novoe Evrazijstvo // Rossiya v global'noj politike. 2015. T. 13. № 5. S. 194–205 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evrazijstvo/>]
- Борисов С.* Террористический Интернационал рвётся на север Евразии // URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2020-04-11—terroristicheskij-internacional-rvetsja-na-sever-evrazii-48427>
- [*Borisov S.* Terroristicheskij Internacional rvyotsya na sever Evrazii // URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2020-04-11—terroristicheskij-internacional-rvetsja-na-sever-evrazii-48427>]
- Денисов И. Е.* Поднебесная смотрит на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политики, экономики, культуры. 2016. Т. 9. Вып. 6. С. 20–39.
- [*Denisov I. E.* Podnebesnaya smotrit na Zapad // Kontury global'nyh transformacij: politiki, ekonomiki, kul'tury. 2016. T. 9. Vyp. 6. S. 20–39]
- Ионова Е.* Центральная Азия в условиях пандемии // Россия и новые государства Евразии. 2020. Т. II (XLVII). С. 81–94.
- [*Ionova E.* Central'naya Aziya v usloviyah pandemii // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2020. T. II (XLVII). S. 81–94]
- Караганов С. А.* Россия в Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 29 июля 2019 г. // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii/>
- [*Karaganov S. A.* Rossiya v Bol'shoj Evrazii // Rossiya v global'noj politike. 29 iyulya 2019 g. // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii/>]
- Лузянин С. Г.* Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС и китайский проект «Шёлкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии // URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf
- [*Luzyanin S. G.* Pogloshchenie, sopryazhenie ili konflikt? SHOS i kitajskij proekt «SHyolkovogo puti» i EAES: varianty vzaimodejstviya v Evrazii // URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf]
- Лузянин С. Г.* Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шёлкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии». Итоговый экспертно-аналитический доклад по проекту РФФИ № 16-07-000241 // URL: file:///C:/Users/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9/Documents/%D0%9B%D1%83%D0%B7%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BD%20%D0%AD%D0%9F%D0%A8%D0%9F%20report_2018_luzyanin_s_g.pdf
- [*Luzyanin S. G.* Pogloshchenie, sopryazhenie ili konflikt? SHOS, kitajskij proekt «SHyolkovogo puti» i EAES: varianty vzaimodejstviya v Evrazii». Itogovyy ekspertno-analiticheskij doklad po proektu RFFI № 16-07-000241 // URL: file:///C:/Users/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9/Documents/%D0%9B%D1%83%D0%B7%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BD%20%D0%AD%D0%9F%D0%A8%D0%9F%20report_2018_luzyanin_s_g.pdf]
- Лукин А. В.* Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46–59.

- [Lukin A. V. Rossiya i Kitaj v Bol'shoj Evrazii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2020. № 5. S. 46–59]
- Михалев М. С. «Один Пояс, Один Путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политики, экономики, культуры. 2016. Т. 9. Вып. 6. С. 88–103.
- [Mihalev M. S. «Odin Poyas, Odin Put'» kak novaya vneshnepoliticheskaya strategiya KNR. Kratkij analiz vnutrikitajskoj diskussii // Kontury global'nyh transformacij: politiki, ekonomiki, kul'tury. 2016. T. 9. Vyp. 6. S. 88–103]
- Путин В. В. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию. 8 ноября 2017 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>
- [Putin V. V. XXV sammit ATEs v Danange: vmeste k procvetaniyu i garmonichnomu razvitiyu. 8 noyabrya 2017 g. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>]
- Путин В. В. Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>
- [Putin V. V. Vystuplenie na plenarnom zasedanii XX Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma, 17 iyunya 2016 g. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>]
- Путин В. В. Заседание Высшего Евразийского экономического совета. 1 октября 2019 г., Ереван // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/52>
- [Putin V. V. Zasedanie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta. 1 oktyabrya 2019 g., Erevan // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/52>]
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>
- [Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa SHyolkovogo puti // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>]
- Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой – с другой // URL: [https:// docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018)
- [Soglashenie o torгово-ekonomicheskom sotrudnichestve mezhdru Evrazijskim ekonomicheskim soyuzom i ego gosudarstvami-chlenami, s odnoj storony, i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj – s drugoj // URL: https:// docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018]
- Суслов Д. В., Пятачкова А. С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии / Русское географическое общество. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Кодекс, 2019. С. 16–53.
- [Suslov D. V., Pyatachkova A. S. Bol'shaya Evraziya: konceptualizaciya ponyatiya i mesto vo vneshnej politike Rossii // Voprosy geografii / Russkoe geograficheskoe obshchestvo. Sb. 148. Rossiya v formiruyushchejsya Bol'shoj Evrazii. M.: Kodeks, 2019. S. 16–53]
- Curtis L. U.S. Economy and Energy Investments in Central Asia and the Caucasus // URL: <https://www.caspianpolicy.org/lisa-curtis-senior-director-for-central-and-south-asia-national-security-council-u-s-economy-and-energy-investments-in-central-asia-and-the-caucasus/>

Статья поступила в редакцию 19 октября 2020 г.